

Анастасия Полякова

16+

МЕЖДУЗИМЬЕ

Анастасия Полякова

Междузимье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66198320

SelfPub; 2021

Аннотация

Мы настолько привыкли видеть свою страну серой и суровой, что совершенно не замечаем вокруг себя контрастов и противоречий...

Анастасия Полякова

Междузимье

Я всегда был неважным журналистом. Я вёл жизнь среднестатистического человека с ценностями, как говорят в народе, западного толка, не имевшими никакого отношения к большой северной стране. У меня не было специального образования, но я теплился надеждой: вдруг ОНО, признание, слово с большой буквы, настигнет меня совершенно случайно.

Просто так случилось, что меня пригласили – нет, именно «позвали» – на встречу, где можно было сделать это интервью.

Он сам позвонил мне по мобильному телефону и не без лишней иронии спросил:

– Вы пойдете со мной на рыбалку?

Звучало это настолько сурово и одновременно интригующе, что я согласился .

– Я не умею насаживать наживку...

– Ничего страшного, – и голос на той стороне трубки убедительно заверил меня, что мне не придется насаживать абсолютно ничего.

Я прибыл. Прибыл в город, который совершенно не соответствовал моим представлениям о современном индустри-

альном населённом пункте.

Я помнил историю – настолько смутно, чтобы не угадать дату начала Красной революции – но и не настолько смутно, чтобы не вспомнить имя первого президента далёкой северной страны.

Я был глуп и самоуверен. Но я рассчитывал в ходе интервью пополнить свой скудный исторический ликбез.

Мой интервьюер ждал меня на платформе железнодорожного вокзала.

– Не боитесь серости? – спросил он, – У нас февраль.

Я не нашелся, что ответить. Серость вокруг правда удручала. Она окутывала вокзал и далекие здания холодным туманом, свисала каплями с электрических проводов и стелилась над лентой реки тонкой изморозью.

– Ты же взял купальный костюм? – спросил мой интервьюер, когда мы спускались по отмели к берегу реки.

По реке шли льдины. Берег реки был холмист. Под ногами хлюпала снежная грязь.

Я кивнул.

– Ну, и правильно, – как бы про себя отозвался мой собеседник, – Ох, уж это междузимье... никогда не знаешь, что стоит надеть на себя именно сейчас...

Он присел на черное длинное бревно, лежавшее вдоль вдоль реки.

– Там! – вдруг указал мой собеседник куда-то в даль, на горизонт, – Там стоит ГЭС, а я уже заколебался оплачивать

счета за транзитное электричество.

Я хотел возразить ему, но порыв ветра, свистнув над моим ухом, вырвал у меня из рук блокнот для записок и унес его в сторону абстрактной ГЭС.

– Зови меня по имени, – глухо произнес мой собеседник и привычным движением руки сдёрнул с головы противогаз, – Так и запиши – меня зовут Олег, – и взгляд его зеленых глаз вдруг стал печален.

– Я родился здесь. На этой некогда красивой земле. Тогда не было никакого карантина, не было гражданских тревог и комендантского часа. Не надо представлять мою страну. Снимай с себя пуховик! Теплеет же!

Мы раздевались. Он отложил в сторону куртку и противогаз, оставшись в зимних штанах, и вопросительно взглянул на меня:

– Я же сказал, что погода меняется! Тут главное – успеть... – и Олег аккуратно высыпал на ладонь из пакета хлебные крошки, – Рыбочка не любит ждать.

Он метнулся к берегу реки и закинул в её воды серые крошки.

– Нужна приманка... – Олег многозначительно посмотрел на меня, и мне стало нехорошо.

– Олег, вы сказали, что раньше всё было по-другому. Так как было раньше?

– Раньше была жизнь, – ответил мне Олег, присаживаясь на бревно и приглашая меня жестом присесть рядом. Он не

был серьёзен, он не требовал комментариев. Он вспоминал.

– Раньше была школа. После школы мы часто бегали курить сигареты вон туда!– я повернулся за жестом Олега, но кроме крыши станции ничего не увидел.

– С того холма раньше была видна целая долина! – и в голосе Олега я уловил нотки восторга, – А теперь холма нет. Ничего нет. Есть город. И есть помои.

– Ты говоришь так, как будто весь мир кардинально изменился. Какие перемены ты заметил?

– Перемены? – и Олег удивлённо вскинул тёмные брови, – Вся жизнь здесь – одна сплошная перемена. В детстве ты помнишь бабушкины пироги и конфеты, которые приносит в кульке из магазина мама. Потом бежишь в школу с тяжёлым портфелем, чтобы получить по шее указкой от учительницы русского языка и мужскую похвалу трудовика. Потом с пацанами идёшь за угол школы и выкуриваешь одну сигарету на шестерых. На перемене видишь улыбку любимой девчонки и начинаешь провожать девчонку до дома, всё с той же сигаретой в зубах. Ты считаешь себя крутым – а старшеклассники считают тебя олухом и в первый раз поколачивают тебя в соседском дворе. А летом ты уже сам подлавливаешь их в подземном переходе и даёшь каждому по морде. В перерыве между этими школьными делами ты бегаешь на холм и часами валяешься на траве, представляя как на фоне раскинувшихся перед тобой гор происходят многочисленные баталии с врагами.

– Враги – герои компьютерных игр? – пытаюсь подшутить я.

– Герои компьютерных игр, герои книг, «школьные герои», – между тем Олег уже снимал свои зимние штаны. Солнце вышло из-за туч и начало по-весеннему пригревать.

Я последовал примеру Олега и аккуратно сложил свои снятые утепленные брюки рядом с собой на бревно.

Олег бросил короткий взгляд на мою одежду:

– И много у вас людей покупает такие брендовые вещи?

Этот вопрос поставил меня в тупик. Пытаясь собраться с мыслями, я ответил:

– У нас такая одежда везде доступна населению. Не знаю как здесь... Собственно, это имеет какое-то отношение к нашему разговору?

Олег несколько минут изучал меня взглядом, и яркое весеннее солнце играло лучиками в его зелёных глазах.

– Респиратор ты тоже из дома привёз? – как бы с издевкой спросил он.

– Нет, – смутился я, – Респиратор мне выдали в консульстве.

– Даже так... – разочарованно протянул Олег, отвернувшись и доставая из своего походного рюкзака удочку. Удочка была хорошая, со складными коленями, упакованная в резиновый чехол.

– Карбоновая! – гордо сказал Олег, раскладывая удило в длину на все его семь метров, – Сейчас такую можно купить

за копейки, а вот респираторы и медицинские маски днём с огнём не сыщешь.

– Но позвольте! – воскликнул я, потому что разговор о доступности одежды меня уже начал доставать, – А в чем же тогда ходят по улице местные жители?? В чем принимают пациентов врачи больниц? Даже преподаватели в школах и университетах – неужели и они не используют никакие средства защиты?

Олег не ответил мне. Зажав удило своими коленями, он рылся в рюкзаке и вскоре достал из него жестяную круглую банку. Когда он открыл ее, я увидел, что на дне банки копошатся черви.

– Мы средства защиты делаем сами, – пробормотал он, привычным ловким движением вылавливая из банки жирного червя, – Здравый смысл у нас не действует, а аксиомы не работают. Доказательство тому – междузимье, – и он поднял глаза вверх.

В небесах небо было глубочайшим синим сводом, а солнце ослепительно светило. Я даже увидел над рекой стаю летевших уток.

– Это правительственные дроны, – словно ответил на мой вопрос Олег. Я остался шокирован ответом.

– Ты так просто говоришь об этом?? Словно это само собой разумеющееся!

Олег пожал плечами.

– Все знают об этом. А если и не знают, то догадывают-

ся, – он насаживал чулком извивающегося червя на металлический крючок, – И да, это само собой разумеющееся. Нечто разумеющееся, от чего жизнь не останавливается...

Мы замолчали. Олег поднялся во весь свой высокий рост и спустился по насыпи, чтобы закинуть наживку по-дальше от берега.

Не знаю, что шокировало меня больше – его худощавая фигура в плавательных трусах, стоящая среди внезапно растаявших снегов – или то, что он мне сказал сейчас.

Я проверил работоспособность диктофона. Нажав REC я громко спросил:

– А кто эти всезнающие? Ты сказал, что ВСЕ ЗНАЮТ об этом? Кто эти ВСЕ?

– Все – это народ! – выкрикнул в ответ мне Олег, проследившая за поплывком в водной ряби. Поплывок я тоже видел – длинный конец его торчал из воды как тростник.

– Все – это врачи, педагоги, заводские рабочие, строители, учёные, – продолжил Олег, укладывая удочку в рогатину. Он проследовал обратно к нашему бревну, шлепая по оттаявшему песку стопами и оставляя на нём длинные следы босых ног.

– Потому, что страна строится на этих людях. И которых же формирует правительство, – продолжил он, сев рядом со мной.

– Ты говоришь какие-то утопические для твоих широт вещи! – возмущенно продолжил я, – Ведь твоя страна совер-

шенно не такая. Вводишь меня в заблуждения, а обещал дать честное интервью.

– Я просто поделился мыслью, – недоуменно ответил Олег, – В идеале всё должно быть так, как я сказал. Люди рождаются, учатся, работают, занимают какие-то посты... Далеко не все из них, конечно, преуспевают в этом деле, но не надо думать, что это невозможно.

– Тогда ответь мне, пожалуйста, почему в мире твой народ пользуется репутацией совершенно безынициативных ведомых людей? Какое объяснение этому ты дашь?

– Инициативность и жизненная позиция – не одно и то же, – Олег расковырял пальцами грязный сугроб около бревна, и выдернул из него пару травинок, – На нас давят со всех сторон: давят климат, экономика, валютный курс, годовые отчеты, мировой кризис, инфекции и вирусы, атмосферный столб и СМИ, – Олег многозначительно посмотрел на меня.

– Олег, в начале нашего разговора ты говорил о непрерывной перемене как о процессе, который никогда не прекращается. Ты имел ввиду давление этого процесса на твой народ и на обстановку в стране в целом? – начал догадываться я.

– Наконец-то, додумался! – с сарказмом засмеялся Олег, – Вся наша жизнь с момента основания нашего государства в этой конкретно взятой точке пространства – одна большая непрерывная перемена. Три апреля за февраль, четыре кризиса за 10 лет, шесть учебников по русскому языку за два года – вот она, эта непрерывность. Если ты устал от неё – никто

не снимет тебя с дистанции. Ты вот не успел еще снять с себя носки, а я говорил тебе, что солнце моментально превратит зиму в лето, – и он театрально раскинул руки в стороны.

– Это МЕЖДУЗИМЬЕ, – добавил он, пронзительно взглянув на меня, – Вечное движение от одной точки к другой, которое обречено на бесконечность. Оно ВЕЧНО. ОНО НИКОГДА НЕ ЗАКОНЧИТСЯ. Оно порождает новых существ, сумрачных гениев, приспособленцев, вечно плывущих в течении реки, в толще воды. С разницей в том, что одни будут впереди, другие – позади, некоторые выпрыгивают из воды и обретают просветление.

– Я сомневаюсь, что в вашем случае возможно целенаправленное перемещение из позиции «позади» в позицию «впереди», – усмехнулся я, заранее прикидывая возможные варианты парирования моего заявления, – Слишком консервативно ваше общество и слишком тоталитарна государственность.

Олег засмеялся в ответ. Он смеялся громко и заразительно, обнажая свои крепкие белые зубы. Я же был в смятении. И я начинал злиться.

– Что в моих словах показалось тебе смешным? – не скрывая раздражения, процедил я, – Тебе есть чем опровергнуть мои доводы?

– У меня есть Людочка, – вытирая с глаз слезы, ответил Олег. Его улыбка была отнюдь не дружелюбной.

– Я расскажу тебе историю, произошедшую с моей быв-

шей одноклассницей. Но сначала проверь свой диктофон – батарейки очень быстро разряжаются в условиях повышенного фона.

Я ошарашенно взглянул на диктофон. Фон? Радиация? Электро-магнитное излучение? Почему меня никто не предупредил в консульстве и на контрольном посту?! Секретный объект? Эксперименты?? Чёрт, да это же может быть всё, что угодно! И похоже на то, что я капитально влип.

– Итак, Людочка...

Людмила всегда хорошо училась. На твёрдое «хорошо», а частенько и на «отлично». Школа, педагогический колледж, университет... времени на всякие глупости типа парней у неё не было. При этом нельзя было сказать, чтобы Люда как-то сильно отличалась от остальных девушек. Она была недурна собой, вынослива – мальчики с ней дружили и уважали за то, что она всегда могла прийти на помощь в процессе учебы. Просто она была серая... незаметная внешне. Не признавала косметику и очень редко одевалась женственно, предпочитая просиживать джинсы на лекциях и в библиотеке.

У Людочки были настоящие друзья, вместе с которыми ходила в походы, гоняла на концерты и уходила в «подводные лодки». В общем, более чем насыщенная жизнь была её частью.

Однако имелись у Людочки и свои нереализованные планы. Несмотря на средне-специальное педагогическое обра-

зование, дальше пойти по этому пути она не желала, а потому с первой попытки поступила в университет на филфак – и уж там развернулась по полной.

К языкам Людочка была способная, организацию мероприятий она устраивала великолепно, по-этому очень скоро приобрела в определенных кругах репутацию активиста-интернационала, прекрасно владеющего двумя европейскими языками и двумя – стран бывшего Союза.

Такие люди очень востребованы в эпоху глобальных изменений. Наметившиеся межэтнические противоречия требовали профессионального сглаживания и вывода из сложившегося тупика. Здесь Людочку и заметили.

Дом Объединенных Наций принял Люду с распростёртыми объятиями. Яркая, уже начавшая краситься и одеваться согласно женским традициям, она идеально влилась в свою новую профессию. Филолог на должности маркетолога в ДОН – известное лицо в региональном и вышестоящем правительстве. Праздники, мероприятия памяти и историко-национальные чтения стали людиным фирменным коньком.

В один прекрасный летний день её отправили в заграничную командировку специальным представителем от областного центра, и там на конференции Люда познакомилась с Игорем.

Удалённая любовь, как сейчас говорят, в «формате Интернета», ударила молодым людям в голову. Еще бы – им по

25 лет, трудятся в одной сфере, общих интересов – уйма.

Под развитие игоревой национальной организации Люда выбивала гранты, столбила квоты на его земляков для поступления в университет.

Игорь тоже не отставал – будучи жителем столицы и сотрудником национального центра, он подстраивал обстоятельства для перевода Люды к нему в филиал.

Ситуация в мире была неспокойной, мало того – на территории бывшего Союза она не была спокойной никогда. Поэтому в последний раз Люда и Игорь как граждане своих стран – провели время вместе на новогодних каникулах, а уже через неделю граница между их государствами была закрыта.

Через митингов и комендантских часов не могла сложиться людочкиного упрямства. Однако гранты на развитие межэтнических связей теперь выдавались администрацией области с огромной неохотой.

У Игоря тоже всё было не так гладко. По слухам, он долгое время сидел в СИЗО за участие в митингах; ему даже грозил уголовный срок. Но последнее, что он успел сообщить по телефону Людмиле – что его переводят под домашний арест. После этого связь с ним оборвалась, а Людочка окончательно слетела с катушек.

По роду службы участие в уличных оппозиционных акциях ей было запрещено под страхом увольнения.

И вот, оказавшись, в полицейском кузове вместе с тол-

пой несогласных, по дороге в участок Людочка рассуждала от том, что не очень то она и против действующей политики страны. Доморощенные революционеры, выросшие на свободе интернет-голосований, требовали каких-то вербальных свобод, досрочных выборов, вывода войск с Альфы Центавра и дешёвого пива. Люда же хотела попасть по ту сторону границы, чтобы отыскать своего возлюбленного. И здесь она поняла, что преследует действиями своё личное счастье, а не борется за справедливость.

В участке она подписала протокол, а затем уныло поплелась на автобусную остановку. Её автобус подъехал. Людочка забралась на пустое сиденье в самом конце салона и, откинув на подголовник голову, обречённо закрыла глаза. В кармане зазвонил телефон. Люда выслушала лекцию начальства о недостойном её статусу поведении и заявление об её сложенных полномочиях.

– За вещами, Людмила, заезжайте завтра!

Люда повесила трубку.

Эту ночь она не спала. В голове крутилась сотня вопросов, надежда найти след Игоря в ближайšie несколько лет расстаяла словно снег в мае.

Утром, приехав на теперь уже бывшую работу, собирая вещи, она неожиданно получила звонок от директора ДОН.

– Людмила, срочно подойди ко мне! – взволнованный голос на том конце трубки как-то странно дрожал.

– Зачем? – буркнула в ответ Людочка, складывая в сумку

ноутбук, – Заявление на увольнение я подписала, секретарь передаст ...

– Никаких лишних слов! – начальник перешёл практически на крик, – Звонило региональное правительство. Они ждут тебя.

– Меня?? – удивленно застыла на месте Люда. Скорее всего, её ждёт ещё и губернаторская выволочка. Да, уж, кухонные революции – однозначно не её конёк.

Следующий звонок на её телефон был из приёмной губернатора.

– Людмила Олеговна, что-то долго вы не выходите на связь. Обычно на повышение бегут сломя голову...

Так Людочка и оказалась в региональном правительстве. «Имеете активную жизненную позицию и поддержку зарубежных коллег? Поддерживаете с ними отношение, но несогласны с проводимой национальной политикой? Можете лучше? Извольте – начните делать! И делите народное негодование поровну с нами!».

Людочка работает уже несколько лет, корректирует спускаемые ей мероприятия, составляет маркетинговые планы, пишет отчёты и сдаёт статистику вышестоящему руководству. Теперь она сидит молча, не выказывая особенного удовольствия проводимыми мероприятиями, но и не озвучивая открыто свои протесты. Она всё ещё рассчитывает, что отношения между странами наладятся, и надеется, что скоро снова встретит Игоря.

– Вот так то! – Олег победоносно смотрел на меня, вставив в рот травинку, – Ведь проще обратить врага в своего собрата по оружию – мнимого или настоящего – чем тратить силы на борьбу с ним. Но ты только подумай – какая бы любовь могла получиться у этих двух активных людей! А какой бы огромный вклад они внесли бы в отношения между странами...мм! Закачаешься!

– Мне кажется невероятным, что здесь люди имеют свои права и свободы...– произнес я, – По крайней мере, я никогда не слышал про них. Свобода – это что-то на уровне городских легенд, сказок...

– Сказок? – с прищуром взглянул на меня Олег, – У нас любая сказка может стать реальностью, а легенда – фактом. Примером этому служат миражи! – он махнул рукой куда-то за мою спину, в небо над насыпью. Я повернулся назад вслед за его жестом и остолбенел.

Во всю высоту неба от одной части горизонта до другой плыли гигантские кольца. Солнечный свет отражался от них лучистой энергией и вспыхивал миллиардами разноцветных нейтрино. Красные, жёлтые, оранжевые, белые – кольца казались совершенно бесшумно, чуть подрагивая из стороны в сторону подобно мыльным пузырям.

Я вскочил на ноги и приподнялся на цыпочки, пытаюсь разглядеть, что же происходит на горизонте под самими кольцами.

– Там всё осыпано солнцем, – словно читая мои мысли, произнёс Олег. Я обернулся к нему и вопросительно приподнял брови. Олег жевал рассыпавшуюся травинку.

– Там всё осыпано солнцем, – повторил он, – всё сверкает, пенится и излучается.

– Это, что какой-то научный эксперимент? – прищурился я. Интересная тема! – Эксперимент? Последствия аварии или катастрофы?

– Инопланетное вторжение, – закатил глаза мой собеседник.

– Ты шутишь??

– Это миражи. Миражи-галлюцинации, – повторил Олег и, потянувшись, откинулся на спину в лохматую зелёную траву, – Я тоже когда-то давно увидел их впервые. Но прошло много лет, и теперь я вижу лица – такие же, как сейчас у тебя – после первого глотка здешнего воздуха. Вы все одинаковые! – с тенью на лице он усмехнулся. Это была тень от надвигающейся тучи.

Мне стало очень обидно за такие слова. Индивидуальность, уникальные знания и редкие практические навыки – что из них ценно в этой огромной пустынной стране?

– Ежегодно вас приезжают тысячи, – продолжил говорить Олег, – Но обратно уезжают сотни.

– И где же остаются другие сотни? – внутренне напрягаясь, спросил я.

Дело принимало серьёзный оборот. Я был не в самом луч-

шем положении – один в чужой стране, вдыхаю какие-то ядовитые испарения и ловлю галлюцинации, а самое страшное – я нахожусь рядом с человеком, который всё больше становится похож на маньяка.

Олег заметил моё волнение. Наверное, мои глаза бегали из стороны в сторону, потому что он несколько минут следил за моим взглядом, а потом глубоко вздохнул и начал говорить.

У меня есть знакомый со странным прозвищем – «Панург». Внешне Панург мало чем не отличается от среднестатистического молодого человека тридцати лет. Весельчак, в любой компании он оказывается в центре внимания, впрочем, предпочитая ни с кем не устанавливать близких отношений. Панург обладает ростом выше среднего, имеет яркие карие глаза. Вполне возможно, что он является обладателем рыжей шевелюры – никто никогда не видел его с волосами, потому что его голова всегда побрита до блеска. Никто также не видел Панурга с женщинами, но и скабрёзных шуток по поводу этого никто не делал. Но самое интересное в другом – Панург ищет людей.

Официально он – поисковик. Неофициально – специализируется на поисках в таких местах, куда не ступают ноги людей из чрезвычайных отрядов.

В прошлом году в старой части города потерялись двое детей, девочка и мальчик. Они ушли играть на улицу с мя-

чом – и не вернулись. Стояла глубокая осень, но снег ещё не лежал безобразной рваной ватой. Зато везде стояли лужи.

В разрушенном районе среди оставшихся целых стен домов, наваленных кучами утеплителей и стогов сбитой арматуры, вода могла стоять неделями. Ноябрьская изморозь покрывала все поверхности первым ледком, ветер пронизывал даже самую тёплую одежду насквозь. Медлить с поисками было нельзя.

Дети пропали недалеко от входа в старый городской коллектор. Справедливо решив, что они нырнули в коммуникации за убежавшим игрушечным мечом, специалисты начали поиски именно там. Но коллекторы продолжали быть условно рабочими, поиски осложнялись невозможностью контролировать сбросы вод.

Панург готовился к этому заходу сутки. Он вообще предпочитал готовиться долго и методично.

– Ты же знаешь, моя деятельность очень специфична... – скромно улыбнулся мне он, натягивая на голову налобный фонарик, – Пусть похвала достанется тем, что её заслужил. Мне не приносят удовольствие лавры; моя награда – спасённые жизни.

Меня удивляла эта скромность. Всё-таки он мог бы получить денежное вознаграждение, подарки, в конце концов – общественное внимание. Многим спасателям государство дарит квартиры – он же предпочитал оставаться здесь, в однокомнатной «хрущёвке» на окраине города-миллионника.

Панург подмигнул мне и вышел из квартиры на лестничную клетку. Я последовал за ним.

– Ну, до скорой встречи! – на крыльце подъезда он пожал мне руку и глубокомысленно заглянул в глаза. В сумерках под тенью надвинутого на голову капюшона, его лицо, казалось, испускало бледное свечение.

– Я тебе позвоню на следующей неделе, если выдастся свободная минутка. Пойдём в Библиотеку, попьем кофе и прочитаем Гомера?

– Панург, мы его на той неделе читали – и даже на просмотр фильма про него ходили! – устало протянул я, – Давай на этот раз в Зал исторической литературы пойдём. Мне так хочется неоспоримых фактов...

Панург также проникновенно смотрел мне в глаза.

– Хорошо, – он отпустил мою руку, – Давай выберем, что почитать про эпоху эллинизма? Я очень люблю читать про своё время!

– Какой же ты странный, – покачал головой я, наблюдая за тем, как ловким движением руки Панург срывает с канализационного люка крышку и в мгновение ока оказывается в колодце.

– До встречи! – весело бросает мне он и исчезает под крышкой люка.

Спустя два часа в новостных лентах проходит сообщение о чудесном спасении из глубин коллектора двух ребятишек. На видеоряде дети улыбаются и говорят, что добрый дядя

нашёл их под землёй, отдал им потерянный мячик, а затем вёл по извилистым коридорам подземелья под светом тысяч синих бабочек, отчего им было совершенно не страшно.

В комментариях начальник штаба устало сообщил, что все сказочные описания событий, услышанные от детей, следует отнести к разряду галлюцинаций.

– Дети устали и надыхались токсическими испарениями, – резюмировал он, – Спасибо за то, что верите в нас. И в который раз повторяю – знание детьми правил поведения на улице убережёт их от трагических случаев...

Я выключил телевизор. Люблю смотреть сюжеты про счастливое спасение людей. Поэтому и компьютер не включаю. Могу посмотреть по телевизору, как в юности.

В ночной тишине ветка клёна два раза постучала в стекло моего закрытого окна. Это было и таинственно, и торжественно.

А ведь я помнил тысячи историй про спасение потерявшихся людей в своём городе. Мужчин, женщин, подростков, детей... И всегда рядом с этими историями незримо шёл мифический образ таинственного следопыта, рассказами про которого мы делились ещё в детстве.

«Он высокого роста и ходит по канализациям».

«Из техники у него с собой только налобный фонарик, а на голову всегда накинута оранжевый капюшон куртки».

«Его лицо светится, поэтому не запоминается. Но оно доброе и улыбающееся как у родного человека, поэтому за

ним невозможно не идти».

«Нет, он древний бог – всегда покровительствует потерявшимся и оберегает их от опасностей».

А ведь я тоже когда-то потерялся. Я так и не выяснил, кто из поисковиков нашёл меня – но я помню свет, шедший от его лица. И мне всегда казалось, что это свет путеводной звезды, который вывел меня из подземных складов и продолжает вести меня вперёд по моей жизни.

Поддавшись воспоминаниям, я подошел к окну и окинул взглядом двор.

В тусклом свете редких фонарей под моим окном стоял Панург и, задрав голову вверх, смотрел на меня. У его ног тёрся здоровый чёрный кот. Панург улыбнулся и поманил меня рукой.

Накинув куртку поверх халата, я вышел к нему на улицу.
– У меня выдалась свободная минутка, и я решил забежать к тебе, – сказал Панург, – Ты видел выпуск новостей? Дети меня не описали?

– Нет, нет! Что ты! – замахал я руками. Холодный ноябрьский ветер залетел мне в рукава.

– Бррр! – я поёжился и продолжил, – На твоём месте, после плавания в фекалиях, я бы сразу пошёл домой отогреться и переодеться.

– Я и иду домой, – всё также улыбался Панург, – А по дороге сделаю ещё одно доброе дело.

Он протянул мне тонкий бумажный листок с размытой до-

ждём фотографией.

– «...кот чёрный, длинношерстный, глаза жёлтые» – прочитал я и перевёл взгляд на животное, прильнувшее к ногам моего знакомого.

– Кот живёт в соседнем районе. Но есть ли смысл сейчас, ночью, идти с ним к его хозяевам, точно не зная, дома они или нет? – спросил я.

– Ты прав, – ответил Панург, – Поэтому животное дойдёт само, без меня.

Он раскрыл правую руку, и с его ладони вспорхнула мерцающая голубым светом бабочка.

Чёрный кот сорвался с места и устремился вдаль по пешеходной аллее за мерцающей бабочкой.

Я перевёл взгляд на Панурга. Панург улыбался.

– А знаешь, что... пойдём лучше в Зал энтомологии.

– Вот это – городская легенда, – закончил свой рассказ Олег, – Что скажешь?

Я ничего не хотел говорить. Я смотрел вдаль, на горизонт, и мне казалось, что где-то за ним и разворачиваются реальные события. А я плаваю вне времени в огромном пузыре, сверкающем при свете солнца всполохами колец.

Кольца укатились куда-то за высокие холмы, а у границы небосвода начала клубиться серая бахрома туч.

– Это всё бред какой-то, – бессильно произнёс я, крутя в руках диктофон. Мои пальцы то и дело нащупывали кнопку

выключения. Я очень хотел остановить запись, натянуть на себя скинутую в потепление одежду – и устремиться вверх по насыпи, через холодные платформы вокзала, мокрые городские строения, через степи и подлески за океан. Я очень хотел домой. И эта окружающая меня серость – непонятные миражи, дренажи, шпионы и коллекторы, внезапное лето и такое же внезапное похолодание – всё завертелось вокруг меня в равнодушном торнадо. И неожиданно сам для себя я произнёс:

– А давай ты расскажешь мне ещё одну историю в таком же духе – честную, правдивую, обладающую зашкаливающим количеством парадоксов в деталях?

Олег удивлённо поднял брови, затем прищурился.

– Ты серьезно?

– Абсолютно, – ответил я, – Даже если это будет моим последним интервью. Я не могу покинуть твой мир с пустыми руками.

– Тогда нам надо начинать одеваться, – и Олег кивнул на наступающую с горизонта тучу. Это был буран. Буран шёл на нас сплошным непреодолимым валом.

Наверное, я немного задумался, очарованный этим зрелищем, потому что почувствовал как Олег начал трясти меня за плечо.

– Ты же чувствуешь – опять начало холодать! Через полчаса бревно, на котором ты сидишь, будет завалено снегом. С запада резко подул холодный ветер. Я поёжился.

– Ты так и не успел снять носки... – с укором и как-то брезгливо произнес Олег, натягивая на себя термобелье, – Куда ты уставился?

Я с опасением наблюдал за огромной тёмно-синей тучей, стремительно наползающей на нас со всего горизонта.

Олег снова потряс меня рукой за плечо:

– Ну, что ты какой тупой?? Одевайся, быстрее! Междузвездомье же!

Я кинулся надевать на себя свою одежду.

– Пока мы собираемся, я расскажу тебе ещё одну историю, – с усмешкой и певуче продолжил Олег, – Был у нас такой интересный товарищ – Мишка. Всё время, сколько я его знаю, он прямо таки бредил теориями заговоров!

– «Был»? – переспросил я, попутно застёгивая брюки и поглядывая на тучу, – Как давно он умер? От чего?

Олег замер и с укором взглянул на меня:

– Разве я сказал, что он умер? Наверняка, он жив и здоров... просто не с нами...

– Не понял. И где здесь интересная история? – снова удивился я, натягивая на ноги ботинки. Видимо, моё лицо имело до того смешное выражение, что Олег недовольно закатил глаза, вздохнул и начал рассказывать.

С Мишкой мы учились в техникуме на одном курсе. Вместе же ходили курить за угол техникума, вместе сидели в полицейском участке после разжигания костров в черте города;

даже свой первый автостоп-тур я совершил вместе с Мишкой. Правда, уехали мы тогда недалеко – от Саратова до Балаково. А всё потому, что среди ночи Мишка заподозрил в шофёре фуры, в кабине которой мы ехали, маньяка нетрадиционной сексуальной ориентации.

Остаток ночи мы провели в лесополосе там же, около трассы. Шофёр фуры походил по окрестным кустам, поискал нас при свете своего карманного фонаря – и отбыл.

Мишка во всём видел подставы. Он подозревал всех и вся в своих личных и общих мировых неудачах. Если среди телефонного разговора пропала связь – это правительство не даёт тебе выдать ценные данные; не написала девушка в обозначенное время – это физрук припёр её в тёмном зале к стенке и похотливо ощупывает её юные перси; не позвонила в обед мама с работы – значит, утром обязательно нашла в его комнате за батареей припрятанную бутылку портвейна.

Список таких подстав длился до бесконечности и постоянно пополнялся.

А по весне в городе объявили карантин. На самом деле, эта мера была принята не внезапно, а вирус был давно известен и знаком мировому учёному сообществу, но в силу сложившихся социально-экономических обстоятельств приобрёл значение только сейчас. Носил он гордое название одной недалёкой звёздной системы TRAPPIST – и Мишка звонил во все колокола.

Его аккаунты в социальных сетях и страницы в Интерне-

те пестрели теориями о разумном и продуманном нападении инфекционного агента; Мишка предоставил свои расчеты скорости прибытия коварного вируса из его родной звёздной системы – в зависимости от характера космических кораблей.

Он обличал правительственные структуры в капитуляции перед инопланетными завоевателями – в ответных письмах над ним ржали и полушутливо грозились отправить его на принудительное лечение в известные места.

Но месяц карантина дал о себе знать – не выдержав инопланетного давления, Мишка вместе с тремя своими однокурсниками решил собрать тайный совет. Надо сказать, что однокурсники не особо верили в его теории, но истосковавшись по полноценному общению, собрали небольшой стол и приготовились слушать доводы великого конспиролога.

На пятиметровой кухне Макса был развёрнут штаб земного противодействия коварному TRAPPIST. Для большей наглядности по верхним шкафам кухонного гарнитура были расклеены распечатанные из Интернета фотографии агрессивной звёздной системы и родной планеты инфекции.

– Говорю же вам, планета в зоне обитаемости! – распинался перед друзьями Мишка, тыкая пальцем в набор одному ему понятных символов на картинке, – Радиус близок к радиусу земному, предполагается наличие океана на поверхности! Ну, что, так трудно сообразить?? Додумались, тоже

мне, обозначить вирус также как планета, с которого он происходит!

– Эээ, Мишань, – протянул Эдик, разливая по рюмкам «огненную» из бутылки, – Думаешь, что, в правительстве сидят слабоумные люди? Если б было всё так просто как ты говоришь – об этом трубили бы все мировые новости, а не только ты «Вдрузьях»! И вообще – с какого это чёрта нашим учёным называть вирус в честь планеты, а?

– Вот и я долго думал – с какого?! – Мишка на секунду задумался, но затем продолжил, – Но назвали же! Думали, наверное, что никто не поймёт! Ан-нет! Вот я, Михаил, сразу просёк что к чему! От меня ни один инопланетный гвоздь не скроется! Говорю вам – это колонизация!

– Всё, пацаны, давайте выпьем! – Макс по-хозяйски встал, – За мир в мире! И чтоб никакие гуманоиды свои вирусы нам не присылали!

Мишка хотел было вставить слово, но на него зашикали. Запили лимонадом.

– Мне ответ пришёл из приёмной... – Мишка многозначительно указал пальцем вверх, – Сказали, собаки, что еще одно такое письмо – и они меня отправят на принудительное лечение! Что я становлюсь опасным для общества, и распространением своей информации подрываю веру граждан в действующий строй. Бояться, значит, – и он хитро прищурился.

– Не стал бы я так себя вести, – парировал мишкину речь

Ваня, теперь уже – слесарь тепловозного цеха, – Реалистом надо быть. Если так оно всё и есть, как ты говоришь – тем более, не наше дело. Наше дело – на карантине дома сидеть. Мы здесь тоже все, между прочим, в обход закона собрались. Эдик, тебя патруль не останавливал сегодня?

Эдик отрицательно покачал головой.

– Меня останавливал! – опять влез со своей темой Мишка, – Сказали, что заставят сдавать анализ на TRAPPIST!

– Ну, а ты чего??

– А я убежал! – гордо приосанился Мишка, – К вам же опаздывал на встречу в магазин.

Развернулся – и убежал за угол. Они что-то мне кричали вслед, только я просто так этим инопланетным подпевалам не дамся!

Остальные товарищи побледнели.

– Мы же здесь за углом моего дома встретились... – еле слышно произнёс Макс, – Они же могут ко мне домой сейчас прийти...

– Не могут! – с бравадой ответил Мишка, на всякий случай выглянув в окно. За окном была безлюдная улица, – Я быстро сбежал.

Раздался звонок в дверь. Компания замолчала. Три пары глаз уставились на Мишку.

Через пару секунд звонок повторился. Макс привстал со стула, но Мишка осадил его:

– Сиди на месте! Позвонят – и уйдут! Может, ошиблись

квартирой!

– Открывайте! Эпидемиологический контроль! – раздался из-за двери громкий голос, – Мы знаем, что вы здесь!

Макс сглотнул слюну, медленно встал и неуверенно пошел в коридор.

– Ну, ты даёшь...– убитым голосом протянул Эдик, не сводя с Мишки глаз. Ваня кусал губы и бегал глазами по кухне.

Макс открыл дверь и попятился назад на кухню. Из тёмного коридора на свет лампочки выдвинулась высокая мужская фигура в защитном костюме. Лица человека не было видно – губы и нос закрывал респиратор, а глаза – широкие очки с чёрными стеклами.

– Что, Михаил, думал сбежать от нас? – дружелюбно сказал человек. Голос его звучал громко и звонко.

Парни на кухне молчали, не сводя глаз с гостя.

– Вы прилипли к табуреткам? – продолжил гость и слегка повернулся к Мишке.

Мишка почувствовал, как по спине поползли капельки пота. Он не видел глаз человека за черными стёклами очков, но шестым чувством знал, что тот смотрит на расклеенные по дверям гарнитура картинки.

– Собирайся, Михаил! Поедешь с нами!

– Никуда я не поеду! – дрожащим голосом ответил Мишка, вцепившись пальцами в табуретку так сильно, что её пришлось бы отрывать вместе с ножками.

– Куда вы забираете его?! Он не болен! – обрёл дар речи Эдик, вскакивая из-за стола.

– Точно! – поддержал его Макс, сжав кулаки и встав на ноги, – Мы его никуда не пустим! Что же вы за нелюди такие?! Если человек делится какими-то своими мыслями с друзьями – он, что, преступник??

– Куда это – с вами? – с издевкой в голосе бросил Мишка, еще крепче держась пальцами за сидение табурета, – В лабораторию? В психиатрическое отделение? Или в участок – оформлять протокол?

Гость поднял на лоб очки, а парни застыли под взглядом его пустых мертвенно-чёрных глазниц.

– На TRAPPIST-1f, – спокойно ответил он, – Тебе предстоит очень долгая командировка.

– И такое бывает, – заключил Олег, накидывая на куртку защитный костюм, – Никогда не перестаешь удивляться событиям, происходящим с тобой и вокруг тебя. Хотя, нет – перестаешь, когда сильно устаешь. А мы устаём постоянно.

Я захлёбывался негодованием:

– И ты предлагаешь мне выставить эти сказки на всеобщее обозрение? Когда ты приглашал меня на встречу, ты дал слово, что это будет честное интервью! Я думал, что, проделав такой долгий путь через континенты, я получу свежайший материал для своих статей, понимаешь?! Это должна была быть бомба! А не рассказы под алкогольным угаром и

хвалебное оппозиционерское письмо!

– Но ведь всё рассказанное мной – чистая правда, – пожал плечами в ответ Олег.

Я видел удивление в его глазах – и оно бесило меня больше всего.

– Если ты не веришь моим словам, это не значит, что я лгу, – и он развернулся, чтобы спуститься на берег.

– А никто тебе не поверит! – громко возразил я. Мой блестящий журналистский дебют рассыпался в прах.

Олег спустился к берегу, чтобы вытащить из воды улов. Я видел как прыгал, скакал на водной глади поплавок.

– Я вот хочу верить в то, что у меня на крючке карасик... хотя какой тут может быть карасик... – как бы про себя пробормотал Олег, поднимая вверх изогнувшееся удило, – Тьфу, чёрт! Опять бревно!

Хотя чему я удивляюсь? Ладно, переживём...

Бревно смотрело на Олега единственным глазом в красной радужке и неуклюже шевелило семипальными конечностями.

– Крючок жалко, – уныло продолжил Олег, разглядывая частокол зубов-лезвий, торчащих из круглого рта. Он достал из кармана перочинный нож, обрезал леску чуть выше острых зубов и пинком отправил существо обратно в реку.

– Какой уж из меня журналист... – Олег поднял диктофон и прекратил запись, – Мало я получал «неуда» на уроках русского языка... Сколько раз уже пытался записать... Три апре-

ля за февраль, одно лето за сутки... Ни стиля, ни слога, ни фактов – одна философия.

Олег упаковал удочку в защитный чехол, закинул на спину свой походный рюкзак и оглянулся на реку. К берегу стеной подходил сизый буран.

Олег натянул на голову противогаз и быстрым шагом стал подниматься вверх по насыпи. Шедший за ним глухой снегопад заметал подтаявшие следы в стручки лохматой травы.

Над равниной стелилось междузимье.